

Известия — 2002. — 21 февр. — с. 9 Путешествие дилетантов

Театр из Равенны показал московской публике соединение образов

Спектакль «Ромео и Джульетта — et ultra» («и далее») в Москву привезли «Фанни и Александр», труппа из итальянского города Равенна. Она удостоена двух премий, «Ромео и Джульетта» получила третью; итальянский критик Франко Квадри написал о «Ромео и Джульетте» хорошие слова.

Алексей ФИЛИППОВ

«Сценическая площадка закрывается системой фильтров, которые воздействуют на голоса актеров, искажая их и создавая странное ощущение, будто в полумраке сцены возникает чарующий призрачный танец как бы убегающих от нас фигур — не характеров, но образов, которые то ссорятся, то соединяются в единое целое...», — написал Франко Квадри. Оно и верно: голоса искажаются, образы соединяются, ощущение создается странное.

Особо бурное соединение происходит в самом начале спектакля: женский образ истошно орет, мужские — рычат; кажется, что Джульетту насилуют. Но в руки маньяков могла попасть и кормилица (а также Ромео. Тибальд или отец Джульетты): Франко Квадри уверяет, что «голоса актеров, искаженные звуковым эффектом, становятся средством, позволяющим одному и тому же актеру исполнять разные роли».

Искажены не только голоса, но и песня: «бегущая строка» знакомит зрителя с обрывками «Ромео и Джульетты», «Сна в летнюю ночь» и многого другого, к Шекспиру не относящегося.

Герои прыгают и приседают, квакают и маршируют, много говорят о смерти, и человеческой гнусности, но в финале не гибнут: персонажи выстраиваются рядком, и на этом действо заканчивается. В одном Франко Квадри безусловно прав — в Москву приехало высокотехнологичное зрелище («небольшие зеркала на подставках действуют как микрофоны, как осветительные приборы и как проекторы, сценическая площадка закрывается системой фильтров»). Роль фильтра здесь играет кисей, в похожих на экраны ноутбуков зеркалах то и дело возникает светло-синий физиономии (в это время излет речь о королеве Маб), по сцене скачут огромные черные актерские тени. Корифей итальянской критики уверяет, что все это олицетворяет «жестокую, высокомерную, создающую преграды и наполняющую сомнениями власть», а также «мучительное осознание рабского двуличия». Театральному журналисту грубой российской выделки может показаться, что это вообще ничего не значит.

Сегодняшний русский театр бывает очень нехорош, но существовать независимо от зрителя он еще не научился. Западная сцена часто живет сама для себя.

Мы бедные люди, система грантов у нас не развита: для того чтобы прокормиться, наши театры должны пролатать свои спектакли зрителям. Они часто кормят их гадостью, но в целом такая зависимость держит театр в форме: для того чтобы рассказать увлекательную, небанальную историю, надо быть профессионалом. А для того чтобы прыгать за кисеей среди зеркал, это совершенно необязательно. Такого рода деятельностью может заниматься кто угодно, вкладывая в нее какой угодно смысл. «Фанни и Александр» наверняка что-то хотели сказать своим спектаклем, но за разъяснениями надо обращаться непосредственно к ним: это может быть и «мучительное осознание рабского двуличия», и радостное ощущение победоносной искренности. Режиссерско-актерская графомания дает великолепный повод для графомании критической.

Живущие в театральном раю «Фанни и Александр» в сотрудничестве с Венецианской биеннале ставят утомительно серьезную, тяжеловесную, непонятную пародию на «Ромео и Джульетту». Получают за нее премию Ubu 2000 и везут свой спектакль на гастроли в Россию. А наши, оставшиеся в прошлом веке труппы, в поте лица добывают свой хлеб, создавая не всегда совершенное, но вразумительное искусство, — и это тот случай, когда от рая хочется держаться подальше.